

"Итак, скажите мне, лейтенант Харрингтон, почему вы хотите специализироваться в нейрохирургии?"

Доктор Пенелопа Муо-чи откинулась на спинку кресла, рассматривая Альфреда, сидящего напротив. Это интервью было чертовски более важным, чем большинство других, и в университете Игнаца Земмельвейса были некоторые причудливые и интересные обычаи, в том числе личные интервью и встречи между студентами и их преподавателями. Это казалось не очень эффективным по сравнению с встречами по связи, но Альфред не собирался спорить с системой, которая выпускала лучших докторов в галактике гораздо дольше, чем существовало Звездное Королевство. Кроме того, эта его "интуиция" не работала через электронный интерфейс, и ему было очевидно, что вопрос доктора Муо-чи был гораздо более серьезным и важным, чем можно было предположить по ее тону.

"Я думаю, что это сложная область," - сказал он через мгновение, "а мне нравятся вызовы. Но также я думаю, что это важная область, возможно, даже более важная сейчас, когда пролонг становится общедоступным. Сначала я не интересовался гериатрией или профилактикой, но люди будут жить еще дольше, и мы действительно не знаем, что пара веков дополнительной жизни сделает с нервными волокнами и синапсами. Все может работать так же хорошо, как думают терапевты пролонга, а может и нет. Если так, я менее оптимистичен, чем некоторые люди, в отношении синтетических заменителей, хотя думаю, что это многообещающая область исследований. Что касается меня, меня больше интересуют ремонт и реконструкция, особенно после травм, и я убежден, что мы можем улучшить протезы, чтобы они работали лучше и лучше взаимодействовали с органической нервной системой."

"Я понимаю." Муо-чи отодвинула стул немного назад, сцепив пальцы под подбородком. Несмотря на фамилию, у нее были светлые волосы и голубые глаза, и теперь эти глаза очень внимательно изучали выражение лица Альфреда. "Это вполне удовлетворительный ответ, лейтенант. Но почему я не думаю, что это полный ответ?"

Альфред слегка напрягся в своем кресле, глядя на нее. В этом вопросе было что-то глубокое и важное - по крайней мере для нее. Он мог сказать, что это важно, но не мог сказать, почему. Он думал уклониться от ответа, но не хотел. Но он также не хотел давать ей "полный ответ", но скорее потому, что не хотел говорить об этом, а не потому, что в этом было что-то постыдное. Хотя он и чувствовал стыд, не говоря уже вине. И все же Муо-чи была той причиной, по которой он вообще хотел учиться в УИЗ. В галактике может быть еще один нейрохирург, более квалифицированный, чем она, но он чертовски хорошо знал, что не двое. И результаты этого интервью определят, примет ли она его как одного из своих личных учеников.

"Я... видел последствия боевых ранений, доктор," - сказал он наконец. "Некоторые из них случились с людьми... о которых я заботился." Он заставил себя смотреть ей прямо в глаза. "Это одна из причин, по которой я интересуюсь реконструкцией и улучшением протезов, работающих на органико-электронном интерфейсе."

"Но это не единственные темы, которые вас интересуют, не так ли, лейтенант?" - мягко спросила она.

"Нет," - признался он. Затем, закрыв на мгновение глаза, он снова посмотрел на нее. "Я видел, что делают нейробластеры," - сказал он очень, очень тихо.

Ноздри Муо-чи задрожали, а мускулы на щеках, казалось, напряглись. Затем она покачала головой.

"Лейтенант," - сказала она почти сочувственно, "нейробластеры не оставляют нам ничего для восстановления. Повреждение происходит на клеточном уровне, и я уверена, вы уже знаете, как мало нам остается для работы. Вот почему классическим лечением поврежденных конечностей в течение последних семидесяти лет были ампутация и регенерация. А для тех, кто не может регенерировать - или если мы не можем ампутировать и отрастить новый орган - единственный вариант - это трансплантация нервов, для тех, кто может их принять, или полностью искусственная нервная сеть. Мы добились большого прогресса в создании нервных сетей, особенно за последние примерно сто лет, и то, что мы можем сделать сейчас, чертовски лучше, чем то, что мы могли делать раньше, но им по-прежнему долгий-долгий путь до замены органических оригиналов. Функции теряются, что бы мы ни делали, а также серьезно теряется чувствительность, и некоторые люди просто никогда не приспосабливаются, как бы они ни старались. Но заместительная терапия - единственная терапия, которую мы смогли придумать, и учитывая количество повреждений мозга, которые часто наносят бластеры, при условии, что они не разрушают всю автономную нервную систему, даже это эффективно - или настолько эффективно, как может быть, во всяком случае - не более чем в двадцати или тридцати процентах всех случаев."

"Я знаю числа, доктор."

Ответ Альфреда прозвучал более резко, чем он хотел, и он наполовину испугался этого ответа. Это была главная причина, по которой он не проявлял большей открытости на университетском собеседовании. То, чего он хотел добиться, было в лучшем случае донкихотством, а в худшем - колоссальной тратой времени и сил. Он боялся, что совет отклонит его заявку в пользу того, чья работа действительно может привести к положительным, конкретным результатам.

"Я знаю числа," - повторил он голосом, более близким к нормальному, "но я не вижу причин, по которым мы должны принимать их как высеченные в камне и неизменные. Когда-то мы не знали, как сделать прививку от рака. Или как создать пролонг. Или, если вы вернетесь достаточно далеко, как предотвратить инфекцию или родовую лихорадку! Земмельвейс оказался в психиатрической больнице, доктор, потому что никто не верил в то, что он говорил, и что он мог совершить нечто столь чудесное, как предотвратить смерть женщин после родов, просто вымыв руки и инструменты. Однако это не делало его неправым."

"Я вижу, вы немного знаете историю," - заметила Муо-чи. Она осторожно покачивала кресло из стороны в сторону, а кожа вокруг ее глаз сморщилась в чем-то вроде улыбки. "Но как бы я ни восхищалась человеком, в честь которого назван этот университет, задумайтесь над тем, что Игнац Земмельвейс не был наименее высокомерным человеком, когда-либо занимавшимся медициной. Он не особо располагал к себе коллег тем, как он представлял и претворял в жизнь свои выводы. Или выражением своего мнения об этих коллегах. Он был прав, и, в конце концов, это осознала вся медицина, но это не сделало его эффективным при жизни. Во всяком случае, за пределами больниц, в которых он сам работал."

"Я не хочу менять вселенную, доктор," - сказал Альфред. "Я бы не возражал, если бы это случилось, вы понимаете, но это не то, чего я хочу, и я не думаю, что это случится. Я просто хочу помочь. Чтобы исправить часть ущерба, которую я..." - он изменил глагол в середине предложения, "...видел. Я не жду никаких волшебных пуль, но это то, что стоит сделать. Стоит попробовать."

"И вы хотите рискнуть потратить следующие три Т-года жизни, инвестируя их во что-то, что почти наверняка не будет работать?"

"Это моя жизнь," - ответил он. "Хочу ли я потратить ее зря? Конечно, нет! Но никто из студентов нейрохирургического колледжа УИЗ не собирается тратить время зря, доктор Муо-чи. Возможно, я не смогу найти способ исправить повреждение, сделанные бластером, как мне все твердят. Но это не значит, что я не могу изменить многие жизни к лучшему."

"Но вы в самом деле хотите научиться восстанавливать превратившиеся в желе, бесполезные ткани, которые оставляют бластеры после себя, не так ли?" - с вызовом сказала она.

Он посмотрел ей в глаза, снова увидел за собой город Надежду, услышал крики, увидел, как падают тела, почувствовал запах дыма. Пенелопа Муо-чи принимала очень мало абитуриентов в качестве своих личных учеников и еще меньше в качестве ассистентов. То, что он зашел так далеко, говорит о многом и, возможно, он обязан этой ленте на груди больше, чем он хотел признать, но она не будет тратить одно из этих мест на кого-то, кто искренне думает, что мог бы найти способ восстановить ту "превратившуюся в желе" ткань, которую она только что описала. Он знал это, но не мог врать, и за вызовом, который она только что бросила ему, что-то было. Что-то, что не было банально, что не отклоняло его заявку... пока, по крайней мере. И поэтому он спокойно встретил ее взгляд через стол и кивнул.

"Да, доктор," - сказал он. "Хочу."

Она посмотрела на него еще мгновение, затем позволила спинке своего кресла вернуться в вертикальное положение, положила руки на стол и резко кивнула.

"Хорошо," - мягко сказала она. "Очень хорошо, лейтенант Харрингтон." Его удивление, должно быть, было заметно, потому что она улыбнулась. Улыбка была медленной, но теплой, и он обнаружил, что улыбается в ответ. "Вы, наверное, псих, лейтенант," - сказала она ему, "но медицине нужны психи. И для этого нужны мечты... и психи, которые не откажутся от них. Я провела небольшое собственное исследование за последнее десятилетие, и случилось так, что часть его напрямую связана с повреждениями, сделанными бластером. У меня нет никакого волшебного метода лечения или каких-либо прорывных результатов, но я добилась определенного прогресса, и если это то, что вас действительно интересует, я думаю, что у меня есть место ассистента, предназначенное для вас."

* * *

"Похоже, твой друг лейтенант Харрингтон не так прост, как кажется на первый взгляд, Франц," - сказала Аллисон с более чем легким оттенком тихой злости. Мантикорец посмотрел на нее, и она улыбнулась. "Ты не слышал? Доктор Муо-чи выбрала его в качестве одного из своих научных ассистентов."

Лицо Илиеску застыло. Он начал что-то отвечать - что-то короткое и резкое, как она подозревала - но остановился. Вместо этого он глубоко вдохнул и пожал плечами.

"Доктор Муо-чи имеет право выбирать, кого захочет," - сказал он. "Возможно, ты права - он может быть не так прост, как я думаю. Я, конечно, не собираюсь обвинять доктора Муо-чи в том, что она выбрала кого-то в качестве ассистента, не считая его подходящим! Однако это не меняет моего мнения о системах квот. Это не значит, что он вообще заслужил право попасть сюда, и это не значит, что он не помешал кому-то, кто этого заслужил. Что до меня," - он снова пожал плечами, "- я счастлив, что мы будем работать в разных областях. УИЗ достаточно большой, и мне не придется с ним сталкиваться, если только мне просто не повезет."

"В этом ты прав," - ответила она. "Университет достаточно большой, чтобы избегать людей, которые тебя раздражают. О боже! Посмотри на время! Я опоздаю на занятия, если не

поспешу."

Она повернулась и пошла прочь, размышляя, что она нашла во Франце Илиеску, когда он впервые приехал в университетский городок. Тогда он казался достаточно представительным и по-своему очаровательным. Он явно считал себя дамским угодником, но был готов принять отрицательный ответ с удивительной грацией, когда его интерес не был взаимным. И, честно говоря, он был хорошо осведомлен, имел хороший музыкальный вкус, а также был приятным партнером в постели.

Но, при всех этих несомненных плюсах, он был натурой с острыми гранями. Из тех, что в конечном итоге оставляют после себя кровоточащие отношения. Не то чтобы он не был очень хорошим студентом, который когда-нибудь станет очень хорошим врачом... во всяком случае, как техник. Она не понимала, почему он выбрал акушерство, учитывая то, что она знала о нем до сих пор, но он определенно был достаточно умен, если смог выйти за пределы этих преубеждений и своей колючей личности.

Она сама почти выбрала акушерство, но в конце концов решила, что этот предмет слишком узок. Замечательный предмет, да, но более ограниченный, чем то, что она хотела сделать со своей жизнью. Несмотря на то, что это была семейная специализация на протяжении нескольких поколений, она вместо этого выбрала генную терапию и хирургию. Иногда она подозревала, что именно потому она была склонна противостоять этому, потому что знала, что у нее от природы есть бунтарская черта. Фактически, она была около километра в ширину, и это превратило ее в то, с чем столкнулась семья, когда ее двоюродная бабушка Жаклин бросила колледж, сменила имя и эмигрировала на Старую Землю. На самом деле она не хотела быть "сложной", как обычно говорила ее мать, но и не собиралась просто подчиняться традициям и ожиданиям других людей. Если уж на то пошло, это была ее жизнь. Она должна была решить, что ей делать с ней, одобряет ли это остальная часть Беовульфа или нет. И кроме того, было так скучно, так ограниченно позволять втиснуть себя в чью-то роль только потому, что этого ожидали от кого-то из ее семьи. Фактически, она почти последовала примеру брата и полностью бросила медицину. Сейчас это привело бы к тому, что ее родители перенесли бы старомодный приступ аполексии!

Однако, в конце концов, она не смогла этого сделать. Может быть, действительно было что-то в "в крови", как говорила ее мать, хотя это всегда казалось особенно ненаучным со стороны той, кто сама была одной из дюжины ведущих генетиков Беовульфа. Но когда дошло до окончательного решения, Аллисон просто не смогла отвернуться. Чудес человеческого тела, и особенно изумительной, бесконечной сложности и великолепия его генетической схемы, было слишком много. Сблазн отдать свою жизнь их изучению преодолел ее разочарование от того, что ее затолкали в предсказуемую нишу. Ей показалось особенно несправедливым то, что она находила человеческий геном настолько захватывающим, что она не могла устоять перед бесконечными нежными (и не очень нежными) подталкиваниями матери. Но ее интерес к акушерству мог быть частью того, что изначально привлекло ее к Илиеску. В конце концов, она собиралась проводить много времени, работая с будущими родителями, и что бы она ни думала о нем как о человеке, он явно собирался стать превосходным акушером. Наверняка у них должно было быть что-то общее!

Однако то, что изначально привлекло ее внимание, быстро исчезло, и она обнаружила, что интересуется высоким мантикорским флотским лейтенантом, которого он так сильно не любил. В конце концов, о всех, кого он не любил, стоило узнать побольше. И в Харрингтоне что-то было. Он определенно выделялся в кампусе, и не только из-за формы, которую он обычно носил. Он был намного, намного выше, чем подавляющее большинство жителей Беовульфа, в то время как Аллисон была ниже, чем большинство из них. На самом деле он был

на добрых полметра выше, чем она! Никто и никогда не назовет его красивым, хотя он, по крайней мере, достаточно хорошо выглядел.

Может то, как он двигался? Такой большой человек не должен двигаться... изящно, но он это делал. Частично это могло быть из-за разницы в гравитации, но не все, и она обнаружила, что размышляет о его генетическом профиле. В конце концов, Звездное Королевство Мантикора обзавелось более чем достаточной долей джинни. Все его планеты имели гравитацию выше, чем у Беовульфа, но гравитация Сфинкса была больше всех, а Харрингтон не обладал коренастым, чрезмерно мускулистым телосложением немодифицированного человека, выросшего в гравитационном поле на тридцать пять процентов сильнее того, в котором развилось человечество. Очевидно, что в его семейной истории были какие-то модификации, и она думала, какие именно? Только не Кельхоллоу; у него не было соответствующей окраски. Конечно, Мейердал был возможен, но возможны были и модификации Кисмет и Кантрелл. Не то чтобы это имело значение, за исключением того, что это пробудило в ней профессиональное любопытство.

Она подумала об этом, пока шла на занятия, степень опоздания на которые она несколько лживо преувеличила для Илиеску, затем усмехнулась. Брат не раз дразнил ее за любопытство. Он страстно увлекался древней литературой, особенно докосмическими писателями Старой Земли. Одним из его любимых авторов был парень по имени Киплинг, и он называл ее "Рики", когда она была ребенком. Когда она спросила его, почему, он ответил, что она напоминает ему двух его любимых персонажей Киплинга, кого-то по имени "Слоненок" с его "насыщаемым любопытством", и кого-то еще по имени "Рики-Тики-Тави", девизом которого было "Сбегай и разнюхай". Она не знала, позабавиться ли ей или оскорбиться этим, поэтому он дал ей копии оригинальных историй, и в конце концов она решила, что он прав. Как оказалось, совершенно прав.

* * *

Альфред Харрингтон быстро двигался по квадратному двору. Он всегда хорошо запоминал карты и точно знал, где находится, и этот талант сослужил ему хорошую службу в огромном кампусе УИЗ. Несмотря на это, он, вероятно, опоздывал на встречу с доктором Паттерсоном. Он и доктор Муо-чи запланировали посетить его лабораторию, отчасти потому, что они все еще находились на этапе ознакомления, и она пообещала защитить его, если он не понравится доктору Паттерсону. Учитывая, что Паттерсон имел репутацию одного из самых доброжелательных и жизнерадостных профессоров в кампусе, вряд ли он слишком нуждался в защите, и Паттерсон ему действительно нравился. И -

"Ох...!"

Альфред выбросил одну руку для равновесия, когда из ниоткуда появилась маленькая, черноволосая, необычайно красивая молодая женщина. Казалось, она буквально материализовалась из-за тщательно продуманной группы цветущих кустов, прямо на его пути. Его рефлексy были намного быстрее, чем у немодифицированного человека, выросшего в условиях обычной гравитации, но они не были достаточно быстрыми, чтобы остановить его вовремя, и он столкнулся с ней достаточно сильно, чтобы она отскочила назад от удара.

* * *

Аллисон обнаружила, что отскочила с совершенно искренним воплем тревоги. Она не осознавала, как быстро он двигался, и не учла его огромного размера и физической силы. Он был на треть выше ее собственного роста, с плотными мускулами, тяжелыми костями и

твердым хрящом своего родного мира. Он, должно быть, весил более чем в два раза больше, чем она, и, когда она почувствовала, что теряет равновесие, ей показалось, что, возможно, было бы разумнее найти другой способ "случайно" встретиться с ним.

Затем метнулась его рука. Она никогда раньше не видела, чтобы кто-то двигался так быстро, а пальцы, сомкнувшиеся на ее плече, могли быть выкованы из железа. Они были мягкими, но в то же время совершенно неподатливыми, и она почувствовала, как ее начавшееся падение остановилось без каких-либо видимых усилий.

"Простите," - сказал он так серьезно, что она почувствовала укол - краткий, но укол - вины за то, что устроила это столкновение. "Я обычно лучше смотрю, куда иду!"

"Не глупите." Она встряхнулась и, когда он отпустил ее плечо, убрала правой рукой волосы с глаз. "Это была больше моя вина, чем ваша," - честно продолжила она. "Я знаю, как эти кусты закрывают обзор для всех, кто направляется в зал Пристли. Если бы я не хотела, чтобы кто-то налетел на меня, мне следовало остановиться и посмотреть по сторонам, прежде чем выйти на открытое пространство."

"Вы в порядке?" - спросил он.

"Я думаю вполне, лейтенант... Харрингтон." Она внимательно прочитала имя на табличке на груди его форменного кителя и улыбнулась ему. "Очевидно вы с Мантикоры. Как ваши дела?" Она протянула руку. "Я Аллисон Чоу."

Это не было ее полное имя, но ему необязательно было это знать... во всяком случае пока. И это был то имя, которое было в регистрационном университетском досье. Когда она решила это сделать, ее родителей, особенно мать, это возмутило до бесконечности, но имена на Беовульфе были личным делом. Никто не мог возразить, и хотя она подозревала, что не обманывает никого из своих одноклассников, она могла по крайней мере притворяться, что Чоу - ее полная фамилия.

"Рад познакомиться, миз Чоу." Он взял ее руку, и она снова осознала, что он намеренно ограничивал силу своей кисти. Кисть была такой сильной, как она и думала, но и нежной, и из нее в ее руку, казалось, текло странное покалывание. "Альфред Харрингтон. Да, я из Звездного Королевства - собственно говоря, со Сфинкса."

"Я думаю, я узнала акцент," - сказала она, пытаясь понять это ощущение. Она никогда не чувствовала ничего похожего. "Вы студент?"

"Да." Он кивнул и отпустил ее руку и она опустила свою почти неохотно. "Нейрохирургия. А вы?"

"Генетика." Она пожала плечами, незаметно шевеля пальцами. "Боюсь, что-то вроде традиции здесь, на Беовульфе."

"Мне это кажется интересным," - ответил он. "Конечно," - он немного криво улыбнулся, "у многих из нас, мантикорцев, особенно тех, кто со Сфинкса, есть определенный... можно сказать, личный интерес в этой области."

"Я полагаю, это так," - согласилась она.

Она посмотрела на него, удивляясь, почему его голос несет странный обертон. Она не могла понять, что это было, но она ощущала... почти пушистость. Как будто что-то шелковистое

нежно гладит ее кожу. Очевидно, он не делал ничего специально, но в этом было что-то... интимное, как будто покалывание, которое чувствовала ее рука, распространилось на другие части ее анатомии. Как бы то ни было, она не ожидала такого ощущения. И было еще кое-что. Что-то... темное, печальное. Это, конечно, было смешно, и она знала это, и все же в этот момент она почувствовала одновременную потребность замурлыкать и расплакаться.

"Так вы долго пробудете здесь, на Беовульффе?" - услышала она собственный голос, и он кивнул.

"По крайней мере, два или три Т-года. Хотя это не так уж и далеко от Сфинкса через Узел. Я могу съездить домой в любое время, когда у меня будет пара свободных дней, так что это не совсем то же самое, что быть в изгнании."

"Я понимаю."

Она начинала чувствовать себя немного глупо. Было так приятно просто стоять здесь и разговаривать с ним, и это было смешно. Во-первых, потому что она его даже не знала. Во-вторых, потому что, честно говоря, ее энергично преследовали (а иногда и ловили) мужчины, выглядевшие намного лучше, чем он. В-третьих, потому что она понятия не имела, откуда исходит этот край тьмы, и это ее пугало. В-четвертых, потому что было совершенно очевидно, что что бы она ни чувствовала, он этого не чувствовал.

"Ну," - сказала она, "вы явно куда-то спешили перед тем, как я в вас врезалась, так что, вероятно, мне лучше позволить вам идти туда, куда вы шли."

Она отступила назад, а он посмотрел на нее, поколебавшись мгновение, а затем кивнул.

"Вы правы, мне лучше двигаться," - сказал он, и у нее возникло странное чувство, что он хотел сказать не это. "Может быть, мы снова столкнемся друг с другом - чуть менее буквально - в следующий раз."

"Может быть," - согласилась она, кивая ему в ответ, а затем глядя, как он уходит большими шагами.

Ну, это было достаточно странно, подумала она, глядя как он уходит и пытаясь вспомнить что-нибудь вроде того, что только что произошло. За свою жизнь она встречала множество привлекательных мужчин, и ее тянуло к более чем одному из них. В конце концов, она была с Беовульфа, и она знала, без ложной скромности и тщеславия, что она гораздо привлекательнее, чем большинство. Но она никогда не чувствовала себя так... комфортно с кем-то так быстро.

Она прошла к одной из скамеек в тени и села на нее с задумчивым выражением лица. Она знала лейтенанта Харрингтона меньше, чем кошку Адама, как мог бы выразиться ее брат, и все это было более чем тревожным. Многие люди считали ее импульсивной, и она была готова признать, что в этом была доля правды, однако она никогда не сталкивалась с чем-то подобным. Как будто между ними двумя существовала какая-то связь, несмотря на то, что они никогда даже не встречались, и это было просто глупо. Подобных вещей не происходило вне очень плохих романов. Кроме того, эта тьма... Теперь, когда все прошло, она ощутила ее гораздо более отчетливо, словно железо на языке, и ее охватила дрожь. Как будто это была вовсе не ее тьма, как будто это была целиком чужая тьма, и это ее пугало.

Она моргнула, когда поняла, о чем только что подумала. Она испугалась? Ладно, может быть, это было странно, но страшно? Это было нелепо. И, решила она, выпрямляя спину, она не собирается с этим мириться. Не то чтобы она уже точно знала, что собирается с этим делать.

Это требовало некоторого размышления, и для нее было очевидно, что в лейтенанте Харрингтоне есть нечто большее, чем кажется на первый взгляд - во всяком случае, в том, что касается ее. А это означало, что ей, черт возьми, лучше не торопиться ни с чем, Рики-Тики-Тави она, или не Рики-Тики-Тави. Нет, пора было проявить тонкость, тщательно обдумать... проявить любопытство. И какой смысл иметь семейные связи, если никогда ими не пользоваться?

<http://tl.rulate.ru/book/53453/1353287>